

Сергей Николаев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Отдел русской литературы XVIII века
199034, г. Санкт-Петербург
наб. Макарова, 4

Польское *węzłowaty* и его русские соответствия в XVII–XVIII вв.

В статье на материале трех русских переводов книги Беняша Будного *Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zową Apoftegmata, księgi IV* (1599) анализируется работа переводчиков по передаче слова *węzłowaty*, для перевода которого они предложили семь вариантов. По мнению автора статьи, эти сложности были вызваны тем, что в русской терминологии отсутствовало подходящее слово для передачи риторического понятия *остроумие* (лат. *acutum*).

Ключевые слова: польско-русские литературные отношения, перевод, риторическая терминология, лексикография.

The Polish Lexeme *Węzłowaty* and Its Russian Equivalents in the 17th and 18th Centuries

The paper deals with three Russian translations of Bieniasz Budny's book *Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zową Apoftegmata, księgi IV* (1599), the research focusing on the problem of translating the word 'węzłowaty' from Polish into Russian. As many as seven different words were used to render this concept. The author considers these difficulties to be connected with the absence of a proper equivalent for the rhetorical concept 'conceit' (Lat. *acutum*) in Russian.

Keywords: Polish-Russian literary relations, translation, rhetorical terminology, 'conceit' theory, lexicography.

У книги Беняша Будного *Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zową Apoftegmata, księgi IV* (1599) сложилась удивительная судьба в России. В конце XVII – начале XVIII вв. она была три раза переведена на русский язык, третий перевод в 1711 г. был издан в числе первых книг русской гражданской печати и стал первым польским произведением, напечатанным в русском переводе. В течение XVIII в. книга была издана десять раз, учитывая варианты изданий, в том числе один раз кириллическим шрифтом. Наконец, обширная подборка из *Кратких, витиеватых и нравоучительных*

повестей была включена в знаменитый *Письмовник* Н. Г. Курганова, который выдержал с 1769 по 1837 г. одиннадцать изданий. Такой успех не выпадал ни одному польскому произведению в русской литературе вплоть до появления многочисленных переводов *Сонетов* Адама Мицкевича.

История русских переводов книги Будного обстоятельно исследована в цикле работ проф. Элизы Малэк¹, она же подготовила и научные издания двух переводов для основанной ею серии *Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы*².

Переводчики книги Будного сталкивались с обычными проблемами перевода с близкородственного языка, не избежали они в ряде случаев буквализма или отдельных оплошностей. Тем не менее, очевидный читательский успех позволяет считать, что труд неизвестных переводчиков был оценен современниками положительно. Но вот одно польское слово вызвало затруднения у всех переводчиков. Это слово – *węzłowaty*. Поскольку оно входит в название произведения (*Krótkie a węzłowate powieści...*), то переводчики были вынуждены искать ему русские соответствия.

В первом переводе слово *węzłowaty* получило сразу несколько вариантов: «Кратких и *неудоборешительных* повестей книги первья», «Кратких повестей изьявление *краткими словесы*, в них же положены речи и деяния цесарей, кралей и протчих старейшин, книги вторья», «Кратких и *к разсуждению трудных* речей, в них же обретаются повести лацедемонянов, книги третия», «Краткия и *к разсуждению трудныя* повести, в них же положены речения жен разумных, книги четвертыя»³.

Во втором переводе для *węzłowaty* переводчик подобрал другие варианты: «Апофегмат, си есть *соплетенных* кратких повестей книга 1-я», «Кратких и *сокровенных* повестей книга вторая», «Кратких и *узловатых* повестей книга третия»⁴.

Наконец, в третьем переводе, который и был напечатан в 1711 г., появляется еще один вариант: «Кратких, *витиеватых* и нравоучительных повестей

¹ См.: E. Małek, 1) *Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego*, «Studia Filologiczne WSP w Bydgoszczy», Bydgoszcz 1978, z. 4: *Filologia rosyjska*, с. 7–23; 2) *Bieniasz Budny w Rosji wieku XVII–XIX*, «Ruch Literacki» 1981, № 4/5, с. 373–380; 3) *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku*, Łódź 1988, с. 167–188; 4) *Z materiałów do badań nad staroruskimi przekładami „Apoftegmatów” Bieniasza Budnego*, [В:] *Opuscula polonica et russica*, t. 4, Częstochowa 1996, с. 5–13; 5) *O rosyjskich przekładach „Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zowq Apoftegmata” Bieniasza Budnego raz jeszcze*, «Przegląd Rusycystyczny» 1997, z. 3–4, с. 177–183; 6) *К изучению переводов «Апофегмат» Беняша Будного на русский язык*, [В:] *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo*, Alessandria 1999, с. 227–247.

² См.: E. Małek, *Первый древнерусский перевод «Апофегмат» Беняша Будного. Исследование и издание текста*, Łask 2011; E. Małek, S. Nikolajew, *«Апофегматы» Беняша Будного в переводе Петровского времени*, Łódź 2012.

³ См.: E. Małek, *Первый древнерусский перевод «Апофегмат»...*, с. 55, 137, 173, 189.

⁴ См.: Российская Национальная Библиотека, Q.XV.33.

книги три»⁵. Но и тут не был забыт уже употребленный ранее термин: «Кратких и узловатых повестей книга вторая»⁶.

Таким образом, в конце XVII – начале XVIII в. три разных переводчика предложили для *węzłowaty* следующие варианты перевода: неудоборешительный, краткими словесы, к разсуждению трудный, соплетенный, сокровенный, узловатый, витиеватый. Эта неопределенность связана с тем, что само слово *węzłowaty* имело два значения в старопольском языке. Григорий Кнапский (1564–1639) в своем знаменитом словаре переводит *węzłowaty* латинским словом *nodosus*⁷, которое имеет два значения: прямое – ‘узловатый’, переносное – ‘запутанный, сложный’. Эти же значения слова *węzłowaty* повторяет в начале XIX в. С. Б. Линде, ссылаясь, в частности, на словарь Кнапского и на книгу Б. Будного⁸.

Не приходится сомневаться, что для переводчиков конца XVII – начала XVIII в. камнем преткновения было как раз переносное значение слова *węzłowaty*. Примечательно, что за отсутствием соответствующего термина для переносного значения иногда использовали его прямое толкование. Так, в 1671 г. Моисей Чудовский перевел с польского языка *Книгу Иова* и при этом охарактеризовал стиль оригинала следующими словами: «Книги суть притруднешии ко познанию я [...], к сему же еще виршами суть писаны, и зело узловатыми словесы дело изобразуя, еже убо на чaste могут ся различне толковати»⁹. Выражение «коротко да узловато» в начале XVIII в. встречается у Феофана Прокоповича¹⁰, а в 1735 г. В. К. Третьяковский так высказался о Марциале: «Марциал кратк, узловат»¹¹. А. П. Сумароков в *Эпистоле II* (1747) о стихотворстве описал суть эпиграммы сходным образом:

Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,

⁵ См.: E. Małek, S. Nikolajew, «Апофегматы» Беняша Будного..., с. 139.

⁶ Там же, с. 216.

⁷ См.: G. Knapski, *Thesaurus polono-latino-graecus*, t. 1, Kraków 1643, s. 1238; t. 2, 1644, s. 507.

⁸ См.: S. B. Linde, *Słownik języka polskiego*, t. 6, Warszawa 1951, s. 263.

⁹ Цит. по: Т. А. Исаченко, *Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст*, «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» 2002, № 4 (10), с. 69.

¹⁰ См.: П. О. Морозов, *Феофан Прокопович как писатель*, Санкт-Петербург 1880, с. 152. – Судя по собранию пословиц В. И. Даля, эта характеристика речи вошла даже в русский язык: «Коротко, да узловато. Не много слов, да много дела», см.: В. Даль, *Пословицы русского народа*, т. 2, Москва 1984, с. 46.

¹¹ В. К. Третьяковский, *Избранные произведения*, Москва – Ленинград 1963, с. 391. – В *Разговоре об ортографии* (1748) Чужестранный говорит: «Подлинно, г<осударь> м<ой>, можно сказать, что титлы ваши узловаты. Я их далеко не столько почитал трудными прежде, но теперь пускай в них упражняются те, которым они нравны, я лучше их знать не буду, нежели столько над ними голову мне ломать напрасно» (В. Третьяковский, *Сочинения*, т. 3, Санкт-Петербург 1849, с. 55–56).

Когда сочинены остры и узловаты;
Быть должны коротки¹².

Не приходится сомневаться, что *узловатый* в двух переводах книги Будного – это не буквализм, придуманный *ad hoc* из *węzłowaty*, а стилистический термин, который был в обиходе русских писателей почти целое столетие и вышел из употребления только к концу XVIII в.¹³ Для уяснения значения этого термина стоит обратить внимание на то, что в третьем переводе переводчик употребляет синонимически два термина для передачи *węzłowaty*: *узловатый* и *витиеватый*. Если значение термина *узловатый* можно вывести только из контекста, а потому с известной долей вероятия, то для термина *витиеватый* можно отыскать подробное толкование в самой авторитетной русской риторике XVIII в. – в *Кратком руководстве к красноречию* (1748) М. В. Ломоносова. В главе *О изобретении витиеватых речей* Ломоносов пишет:

Витиеватые речи (которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезвычайным образом, и тем составляют нечто важное или приятное, например: „Александр, толиких государей и народов победитель, побежден был своим гневом и все имел в своей власти, кроме страстей своих и не знал, что большая всех власть есть повелевать себе самому” (Сенека в посл. 119)¹⁴.

Нет сомнений, что эта формулировка отражает концепцию остроумия, важнейшую часть поэтики барокко¹⁵. Не будет лишним напомнить о роли польской эстетической мысли в развитии теории остроумия на русской почве¹⁶. Эту польскую традицию Ломоносов, безусловно, знал еще со времени

¹² А. П. Сумароков, *Избранные произведения*, Ленинград 1957, с. 122. То же самое Сумароков повторил в *Наставлении хотящим быти писателями* (1774), см.: там же, с. 138.

¹³ *Словарь академии российской* (ч. 6, Санкт-Петербург 1794, стб. 426) для *узловатый* дает только одно значение: «Имеющий много узлов или закрутин». – Польско-русские словари первой половины XIX в. переводили *węzłowaty* как «1) узловатый; 2) дюжий, крепкий; 3) трудный, мудреный; 4) краткий, краткословный, лаконический» (И. А. Е. Шмид, *Словарь польско-российско-немецкий*, Бреславль 1834, с. 710) или «1) узловатый, имеющий много узлов; 2) ясный, связный» (D. Bartoszewicz, *Słownik polsko-rosyjski*, t. 2, Warszawa 1843, s. 370). Во второй половине XIX в. эти толкования повторяются: «узловатый; краткий, отрывистый; сжатый», при этом для наречия *węzłowato* приводится пример «Krótko a węzłowato odpowiedzieć – ответить лаконически» (П. П. Дубровский, *Полный словарь польского и русского языков*, Варшава 1895, с. 710).

¹⁴ М. В. Ломоносов, *Полное собрание сочинений*, т. 7, Москва – Ленинград 1952, с. 204–205.

¹⁵ См.: Р. Лахманн, *Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического*, пер. с нем., Санкт-Петербург 2001, с. 128–144.

¹⁶ См.: Р. Lewin, 1) *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*, Wrocław 1972, s. 107–125; 2) *Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego*, [В:] *Literatura staropolska i jej związki europejskie*, Wrocław 1973, s. 309–324.

обучения в московской академии, а недавно выяснилось, что при написании упомянутой главы *О изобретении витиеватых речей* он неоднократно обращался к пособию по риторике Михаила Радау, в котором впервые были изложены идеи неизданных трактатов выдающегося теоретика барочной эстетики М. К. Сарбевского, в частности, об остроумии (*De acuto et arguto*)¹⁷.

Ломоносов первым изложил по-русски концепцию барочного остроумия, и примечательно, что даже такому тонкому филологу и знатоку европейской эстетической традиции понадобилось три варианта для передачи нового риторического понятия: *витиеватые речи, замысловатые слова, острые мысли*. В этой связи можно только посочувствовать безымянным русским переводчикам книги Будного, которые за полвека до Ломоносова бились над поиском русского эквивалента польскому слову *węzłowaty*.

Примечательно, что свое определение «витиеватых речей» Ломоносов проиллюстрировал апофегмой, которая была бы вполне уместна в русском переводе книги Будного, тем более что Александру Македонскому Будный посвятил большой раздел. И это вовсе не случайно, поскольку остроумный пуант – это важнейшая отличительная черта жанра апофегмы, сближающая апофегму с эпиграммой¹⁸.

Есть все основания полагать, что *витиеватый, узловатый и замысловатый* – это русские соответствия польскому *węzłowaty*, а также латинскому термину *асипен*, которые обозначают «остроумие». С течением времени *витиеватый, узловатый и замысловатый* утратили свое значение стилистических терминов, *витиеватый* стал пониматься просто как ‘цветистый’, *узловатый* как ‘имеющий узлы’, а *замысловатый* как ‘хитроумный, мудреный’¹⁹. Таким образом, связь этих слов с риторической традицией стерлась, а оригинальные терминологические поиски русских переводчиков конца XVII – начала XVIII вв. стали похожи на неумелые попытки передать незнакомое польское слово на русском языке.

¹⁷ См.: А. А. Костин, С. И. Николаев, *Неуточный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау)*, [в:] *Чтения отдела русской литературы XVIII века*, вып. 7: *М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века*, Москва – Санкт-Петербург 2013, с. 41–53.

¹⁸ См.: Т. Michałowska, *Apoftegmat*, [в:] *Słownik literatury staropolskiej. (Średniowiecze. Renesans. Barok)*, Wrocław – Warszawa – Kraków 1990, s. 41. – Отмечу, что приведенная Ломоносовым апофегма была им заимствована из учебника Михаила Радау. См.: А. А. Костин, С. И. Николаев, *Неуточный источник...*, с. 47.

¹⁹ См., например: *Словарь русского языка*. В 4 томах, Москва 1985, т. 1, с. 178, 548; т. 4, 476; *Современный толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2001, с. 809, 863, 209.